

УНИВЕРСАЛИЯ «УЧЕНИК — УЧИТЕЛЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Э. А. Радь, М. П. Вольготова

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье впервые в творчестве М. Цветаевой рассматривается универсальная семиотическая конструкция «учитель — ученик», которая приобретает новый концептуальный характер. Отношения «учитель — ученик» отражают особенности мироощущения и мифотворчества М. Цветаевой и представляются в поэтических произведениях через индивидуальный ассоциативный образный ряд, связанный с вертикалью.

Ключевые слова: Цветаева, Волконский, Волошин, образ, мотив, символ, ученик, учитель, плащ, небо, гора, кедр, рука.

Abstract: in the article, for the first time in the work of M. Tsvetaeva, the universal semiotic construction “teacher — student” is considered, which acquires a new conceptual nature. The teacher–student relationship reflects the peculiarities of M. Tsvetaeva’s attitude and myth-making and is presented in poetic works through an individual associative figurative series associated with the vertical.

Keywords: Tsvetaeva, Volkonsky, Voloshin, image, motif, symbol, student, teacher, cloak, sky, mountain, cedar, hand.

Универсалия отношений «учитель — ученик» как «общечеловеческая репрезентация культурного опыта и деятельности...» [1, 506], связанная с духовной жизнью человека, в своем идеальном сущностном определении основана на духовной любви, духовном единении и устремленности душ навстречу друг другу. Универсалия «учитель — ученик» берет свое инвариантное начало, текстуально закрепленное, в библейской мифологии и связана с образом Иисуса Христа. Отталкиваясь от христианской концепции учительства и ученичества, отметим, что учитель — это Врата в духовную сферу, это человек, обладающий знаниями о внутренней жизни, познавший собственную внутреннюю жизнь и достигший значительных высот познания Бога. Совершенный Учитель — целостный не только внутренне, но и внешне.

Совершенные отношения «учитель — ученик» сопровождаются радостью от того, что происходит встреча их душ, озаренная духовной любовью. Встреча душ, духовная любовь осуществляются через опыт взаимоотражений учителя и ученика, в совместном движении вверх.

Отношения «ученик — учитель» складывались в сознании М. И. Цветаевой как будущего поэта еще в раннем детстве и были связаны с образом матери — Марии Александровны Мейн, музыкантши, страстно любящей стихи и их пишущей. «Мать — сама лирическая стихия. Я у своей матери старшая дочь, но любимая — не я. Мною она гордится, вторую — любит. Ранняя обида на недостаточность любви», — напишет М. Цветаева в «Автобиогра-

фии» в январе 1940 г. [2, 6]. Мария Александровна была любящей матерью и учителем жизни и музыки, жестким и отчасти деспотичным. Сложные отношения матери и ребенка, детская психотравма, обусловленные диссонансом между *заданностью* и *данностью*, нашли отражение в автобиографической прозе М. Цветаевой «Мать и музыка» (1934). *Жизненная данность* — это: разочарование, что родилась дочь, а не сын («Когда вместо желанного, предрешенного, почти приказанного сына Александра родилась только всего я» [2, 10]), нереализованные амбиции матери, проявляющей по отношению к дочери *сверхтребования* стать музыкантом («Музыкального рвения <...> у меня не было. Виной, верней причиной, было излишнее усердие моей матери, требовавшей с меня не в меру моих сил и способностей, а всей сверхмерности и безвозрастности настоящего рожденного призвания. С меня требовавшей — себя! С меня, уже писателя — меня, никогда не музыканта» [2, 18]). *Внутренняя заданность* — от природы хороший слух, музыкальные способности, «растяжимая рука» («Жила бы мать дальше — я бы, наверное, кончила Консерваторию и вышла бы неплохим пианистом — ибо данные были» [2, 31], переживания ребенка, связанные с непониманием матери («Музыку — любила. Я только не любила — свою. Для ребенка будущего нет, есть только *сейчас* (которое для него — *всегда*)» [2, 19]), общая музыкальность, способность будущего поэта слушать и вслушиваться («вся моя «немзыкальность» была — всего лишь другая музыка!» [2, 28]), «было и другое: *заданное*, с музыкой несравненное и возвращающее ее на ее настоящее во мне место:

общей музыкальности и «недюжинных» (как мало!) способностей. Есть силы, которых не может даже в таком ребенке осилить даже такая мать» [2, 31]). «Горечь несбывшегося призвания» и «несбывшаяся жизнь» матери (история любви, замужества Марии Мейн, рождение детей) порождали в детской душе ощущение духовной нелюбви, страха, разрывали возможные нити духовного родства, лишали семейного единения. Потом, в 1935 г., в письме В. Н. Буниной М. Цветаева о кровном родстве напишет: «Родство для меня — ничто. Т. е. внутри — ничто. Терпя годы, я внутри не стерпела и не простила — ничего» [3, 284–285]. Образ матери в сознании и воспоминаниях поэта распадается на две составляющие: любимой матери, в которой так нуждалось детское сердце, и матери-учителя, требующего старания и «заклинающего» на непонятные вещи, не воспитывающего, а испытывающего. «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски. Их счастье — что не удалось, наше — что удалось!» [2, 14].

Внутреннее сопротивление авторитарности, ощущение нелюбви, а затем и ранняя потеря родного человека (в 1906 г., когда умерла мать, Марине было 13) привели к тому, что Цветаева в дальнейшем пожизненно испытывала потребность в обретении не реализованного в раннем детстве *духовного единения / родства душ* с человеком, в котором видела бы интеллектуальную, духовную, поэтическую высоту, которому желала поклоняться, подражать, учиться. Высокая сущность человека, творчества связана с вертикалью. Отношения «учитель — ученик» в биографии М. Цветаевой складывались как вертикально-иерархически недостижимые (например, «мать — дочь», «ученик — наставник»), а затем как вертикально-высокие равные («поэт — поэт»). Выбирая для себя духовное ученичество как принцип жизни, Цветаева сохраняла в себе благоговение от встречи с духовно родственными душами.

М. Цветаева избирала поэтов, в творчестве которых брала для себя уроки жизни или которые сами преподносили их ей. Так, в шесть лет, влюбленная в Онегина и Татьяну («в них обоих вместе, в любовь» («Мой Пушкин») [2, 71]), Марина извлекает у пушкинской Татьяны «урок смелости. Урок гордости. Урок вечности. Урок судьбы. Урок одиночества»: «Многое предопределил во мне Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку — и руки, не страшась суда — то только потому, что на заре моих дней лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах — сделала. И если я потом, когда уходили (всегда — уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей» [Там же].

Духовное воспитание Марины происходило в фокусе влияний, характерных для формирования культурных и религиозных взглядов русской интеллигенции. Духовное начало в семье олицетворяли и мать (через музыку и поэзию), и отец. Влияние на дочь отца, И. В. Цветаева, может быть охарактеризовано эстетическим воздействием античности и греко-римской мифологии как составляющих европейской культуры времен Ренессанса. Тема духовного и одухотворяющего, связанная с родителями Марины, сыграла главную формирующую роль в становлении юной Цветаевой как человека и как Поэта. В дальнейшей судьбе судьбоносными были встречи с людьми, оказавшими человеческое влияние на личность Цветаевой, готовой брать у них уроки жизни.

Символом ученичества в поэтическом творчестве Цветаевой станет слово-образ «плащ», с помощью которого автор с особой для поэта «преданностью» развивает разные темы, в том числе и тему «ученичества», с особым постоянством обращается к нему в своих стихотворениях¹. Многозначный, но сохраняющий смысловое ядро тайны, неизвестного как возможность выбора для ученика в жизненной альтернативе, этот образ в своей семантической вариативности представлен в стихотворении «Ночные ласточки Интриги» из цикла «Плащ»:

Ночные ласточки Интриги –
Плащи, — крылатые герои
Великосветских авантю.
Плащ, щеголяющий дыроу,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.
Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: — темно...
Гудок дозора. — Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна —
Антуанетты домино.
Но вот, как черт из черных чащ –
Плащ — чернокнижник, вихрь — плащ,
Плащ — вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро (1918).

Данное стихотворение построено на едва уловимых антитезах: борьба и смирение, смелость и трусость, любовь и равнодушие, авантюризм уживается с прагматизмом, таинственное и сверхъестественное с простой обывательской жизнью. Плащ ученика («плащ, преклоняющий колено») — зарок верности, добродетели и защиты от жизненных бурь, неразлучной, крепкой дружбы, которой по плечу любые невзгоды.

¹ В стихотворениях М. Цветаевой частотность употребления слова «плащ» составляет 90 раз.

Согласно цветаевской концепции, учитель для ученика — пример для подражания, кумир, «высший разум», отец, Бог. Любовь Ученика к Учителю — безоговорочна, совершенна, идеальна, а преданность и преклонение — абсолютны. Духовная любовь представлена в разных смысловых оттенках. Полная отдача, стремление к самопожертвованию, желание растворить себя всего без остатка: «...и — дерзновенно улыбнувшись — первым / Взойти на твой костер» — напишет Цветаева в 1921 г. Готовая к сверхъестественной, первоапостольской жертвенности, лирическая героиня дерзновенно полагает, что она имеет на нее полное право. Отрекаясь от себя, своего «эго»², искренне ликует и ощущает покой внутри себя, потому что считает свой поступок праведным. Эти строки посвящены князю С. М. Волконскому.

С шестидесятидвухлетним князем С. М. Волконским, которого знала немного ранее и с которым отношения сложились не сразу, двадцатидевятилетняя М. Цветаева подружилась в 1921 г. Новая с ним встреча, работа над рукописью С. М. Волконского, многочисленные и долгие беседы с князем и чтение стихов заполнили собою большое временное пространство, остановили написание поэмы «Егорушка».

Князь Сергей Михайлович Волконский — представитель древнейшего дворянского рода, внук декабриста, писатель, театральный деятель, искусствовед, мыслитель общеевропейского масштаба, владел языками и глубокими знаниями мировой культуры. Ему была свойственна твердость, молодость, непоколебимость духа, неспособность к унынию и полное отсутствие усталости от жизни. Его облик, непохожий на большинство людей: красивое, породистое лицо, с крупными, негрубыми, правильными чертами и большими темными глазами. Его голову убеляла редкая седина на некогда темных волосах. Безукоризненно-прямая осанка [4, 245]. Девятилетняя Ариадна в письме к Е. О. Волошиной от 19 сентября 1921 г. написала: «Это наш с Мариной самый чудный друг... Он очень походил на Дон Кихота, только без смешного... Марина всегда говорила: «Я только двух таких и знаю: С. М. Волконский и Пра» [4, 245]. Интерес Цветаевой к Волконскому был естественен и предопределен. В лице мудрого старца, аристократа духа она обрела духовно родного человека. К тому времени, в очень непростое, послереволюционное, время, в силу разных обстоятельств и особенностей характеров она была лишена общения именно с теми, кто был ей *очень нужен*: Волошиным, Ахматовой, Блоком, Бальмонтом (летом 1920 г. уехавшим за границу). Многие знакомые и друзья Цветаевой не способны были заменить ей умудренного жизнью собеседника, старшего друга и истинного поэта. Появление удивительного человека, воплощающего

мудрость, интересного собеседника, чуткого слушателя и наблюдателя, тонкого ценителя прекрасного, друга и учителя С. М. Волконского — восполнило этот пробел.

Цветаеву восхищали его стойкость и неукротимый дух. Волконский в восприятии молодой женщины-поэта и в ее художественном мире был не просто интересным собеседником, педагогом, он стал Наставником, «учителем жизни», «восхитительным учителем» — так назовет его Цветаева в статье «Кедр», посвященной книге С. М. Волконского «Родина». Себя же Цветаева позиционировала как Ученика у ног мудрого Наставника. С кедром, «древом из высоких высоким, из прямых прямым», Цветаева сравнила князя, передав его сущность, ибо «человечность не только глубь, — и высь» («Кедр») [2, 246]. Замысел отразить в своем творчестве систему отношений «учитель — ученик» со смысловыми позициями «учителя-наставника», «вечного ученичества», «духовной высоты» и «духовного единения» воплотился в стихотворном цикле «Ученик» (1921).

В поэтическом образе «ученика» получила свое художественное воплощение потребность лирической героини в преклонении и духовном единении. Впервые образ преклоняющегося человека в раннем творчестве Цветаевой возникает в связи со встречей с поэтом Вячеславом Ивановым. Этому знакомству посвящены строки, в которых выражена глубинная потребность в родственной душе человека-творца, эквивалентного образу наставника-защитника:

Если я к руке опущенной

Ртом прильну — не вздумай хмуриться!

Любованье — хлеб насущный мой:

Я молитву говорю... (Вячеславу Иванову, 1920)

«Прильнуть ртом к руке опущенной», статья «любимицей» — что это, если не образ преклоняющегося ученика? Марине Цветаевой, как натуре непредсказуемой и многогранной, страстной и увлекающейся, ранимой, уязвимой перед несовершенством бытия, как воздух был необходим объект почитания и обожания. Без существования рядом духовно близко, «высокого» человека поэт теряет вдохновение, творчество угасает, перестает выдавать стихи «как брызги из фонтана, как искры из ракет» (См.: «Моим стихам, написанным так рано...», 1913), да и сам поэт утрачивает вдохновение и творческие силы создавать что-то новое. Общение с В. Ивановым было весьма недолгим. По словам самой Цветаевой, «им удалось основательно побеседовать всего лишь один раз» [4, 252].

Встречи же с Сергеем Михайловичем Волконским были довольно частыми, а беседы — интересными, плодотворными, долгими — порой он уходил из квартиры Цветаевой глубоко за полночь. Они могли разговаривать часами и на любые темы. Весь «багаж» эмоций, что Цветаева получила от своего друга и учителя жизни, вылился в стихотворный поток,

² Отказ от «эго» — исключительно в отношениях с учителем, но не в поэзии.

состоящий из семи стихотворений цикла, предваренных эпиграфом:

Сказать — задумалась о чем?

В дождь — под одним плащом,

В ночь — под одним плащом, потом

В гроб — под одним плащом.

Слово-образ «плащ», наполненный в мифопоэтике сложной символикой, в стихотворении — свидетельство духовного единения ученика и учителя, друга, наставника.

Быть мальчиком твоим светлоголовым,

— О, через все века! —

За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Р. И. Монзина весьма убедительно представила разные функции и роли символа «плащ» в структуре стихотворений цикла, отметив: «Весь цикл «Ученик» пронизан любовью к Учителю, верой в идеал, готовностью ученика следовать за Учителем, «идти» за мечтой «через все века». <...> «Плащ» воспринимается лирической героиней и как символ вечности, и как символ защиты («от всех обид»), и как щит, и как символ единства, родства душ, «покров» для равных, и как мечта. Из романтического и маскарадно-шаловливого образа плащ превращается в символ равенства, «покров» для равных» [5, 155]. А мы дополним: в символ духовного равенства, прежде всего.

Характеризуя свое отношение к учителю и другу, Поэт ассоциирует себя с Учеником Иисуса Христа:

Быть между спящими учениками

Тем, кто во сне — не спит.

При первом чернью занесенном камне

Уже не плащ — а щит!

Ассоциативная параллель между Волконским и Христом-Богочеловеком укрепляет значение фигуры Учителя, друга, отца в жизни Цветаевой, подтекстово указывает на духовную вертикаль, совершенство, духовное отечество. Архетип Учителя и архетип Духа олицетворены в образах Иисуса Христа и Волконского.

Чернью поэт именуется «серую толпу», подверженную «ветру перемен» и общественному мнению, людей, утративших «духовные глаза», с помощью которых возможно узреть истинный смысл за оболочкой. В данном стихотворении ученик как бы приносит «обет верности» своему Учителю и клянется защищать Его от всех невзгод. Ученик дает обещание Наставнику, что будет делить с ним все беды и печали. Никогда не пройдет мимо в трудную для него минуту и не откажется от их дружбы. Учитель для лирического героя — святыня, почитаемая им. Отношения «ученик и учитель» свидетельствуют о единении и цельности, независимо от того, какова будет цена ученичества. Герой готов принять и пройти этот путь до конца.

Благодаря знакомству Цветаевой с князем Волконским, ее творчество получило новый старт, «второе дыхание», в нем открылись новые поэтические

«горизонты». Хронологически рядом оказались произведения, художественно разнонаправленные — маршеподобный «Красный конь», фольклорная поэма «Егорушка» и стихотворный цикл «Ученик». Цикл «Ученик» обозначил собой новую веху, перелом в творчестве М. Цветаевой.

Чуть ранее по времени, еще одним воплощением духовного отцовства и духовной любви стал для Цветаевой поэт и живописец М. А. Волошин. Встреча поэтов состоялась в декабре 1910 г., Волошину было тогда тридцать три, Цветаевой — восемнадцать. Их общение длилось почти семь лет с перерывами на месяцы и даже годы (пребывания Волошина в Европе). Личное знакомство было прервано октябрем 1917 г., но помощь друг другу и переписка еще продолжались: последнее письмо Цветаевой к Волошину из Чехии датировано десятым мая 1923 г. Цветаева через несколько месяцев после их знакомства в письме в своем обращении назовет Волошина духовным отцом (*Monsieur mon pere spiritu* <e> [6, 48]).

Как отмечает С. Н. Лютова, «Поэты, как известно, были дружны, и Волошин оказал значительное влияние на становление личности юной Марины Цветаевой» [7, 3]. И двадцать с лишним лет спустя в эссе-воспоминании «Живое о живом» Цветаева подтверждает важность его «наставничества»: «Все, чему меня Макс учил, я запомнила навсегда» [8, 206]. А научил Волошин Цветаеву многому: доверию (через рукопожатие), мифотворчеству («извлечению из человека основы и выведению ее на свет» [8, 205]), мифотворчеству, «дружить с человеком и его врагом», «сводить, а не разводить» [8, 190], «видеть только сверху, никогда сбоку, никогда из гуши» [8, 189].

Поэты испытывали благоговение по отношению друг к другу, принимали друг в друге духовные и поэтические взаимоотражения, ощущали «равенство притяжения и отдаления». Учитель и ученик совместно двигались вверх. В эссе «Живое о живом» М. Цветаева подчеркнет удивительные свойства Волошина — «полная отдача другому, вникание, проникновение, глаз не сводя с лица и души другого» [8, 162] и сосуществование его души («Это был прежде всего человек со-бытийный. Как вся его душа — прежде всего — сосуществование... <...> Сосуществование поэта с поэтом — равенство известного с неизвестным. Я сама тому живой пример, ибо никто и никогда с такой благоговейной бережностью не относился к моим так называемым зрелым стихам, как тридцатилетний М. В. к моим шестнадцатилетним <...>. Ничего от мэтра... все от спутника» [8, 173, 175–176].

Максимилиан Волошин, единственный во всю жизнь, смог понять и принять Цветаеву. В письме к матери он охарактеризует самую суть ее личности: «<... в Марине> есть действительно много к себе не подпускающего, замкнутого. Но я это объясняю большой полнотой ее природы и инстинктивной самостоятельностью ума. Она <...> защищает свою са-

мостоятельную жизнь с эгоизмом молодого существа, жившего гораздо больше сердцем в мечте, чем сердцем в действительности» [9].

С. Н. Лютова общение Цветаевой и Волошина совершенно справедливо обозначит как «глубинный диалог», в который «вступает личность, доверчиво обнажая основы собственного осмысления действительности. Душа предчувствует в этом диалоге импульс к внутренним превращениям, необходимость которых назрела» [7, 4]. Духовная взаимная любовь, по сути, и есть встреча душ, глубинный диалог, родство человеческое и поэтическое. Духовная любовь учителя и ученика — со-бытийность и существование в общем движении вверх.

Особенное понимание мира и человека, назначения и положения поэта в обществе, положение уникального «я» поэта — над миром (вне нации, «над нацией»), — позволяют демонстрировать каждому из них поэтическую индивидуальность и единство мировосприятия.

Поэт для М. Цветаевой — тот, кто знает многое из «того, что не знают они», тот, кто противопоставлен толпе, всему земному, как вечное, в противовес бытовому и сиюминутному. Принимая внутреннее состояние *над*-мирности, устремляясь ввысь, к небу, вслед за своими духовными учителями, М. Цветаева в поэзии идентифицирует себя с птицей³.

Бог меня одну поставил

Посреди большого света.

— Ты не женщина, а птица.

Посему — летай и пой (1918).

А гора, упирающаяся в небо, в цикле *Ici-haut*, посвященном М. Волошину и написанном после его смерти, станет олицетворением друга-поэта-учителя.

Похоронили поэта на

Самом высоком месте.

<...>

Всечеловека среди высот

Вечных при каждом строе.

Как подобает поэта — под

Небом и над землею.

<...>

Я гору знаю, что в престол

Души преобразилась (1932).

Лейтмотив горы и мифологизированная фигура поэта-учителя выступают в цикле смысло- и структурообразующими началами [10, 168]. Две высоты, две вертикали — полет птицы (ученика) и скала, упирающаяся в небо (учитель) — создают единство образов в общем художественном воплощении *над*-мирности. Назначение учительства подкрепляется в поэтическом мире Цветаевой слово-образом «рука», символизирующим духовную власть и передающим духовную и физическую энергию:

Макс! мне было — так просто

Есть у тебя из рук.

<...>

Макс! мне будет — так мягко!

Спать на твоей скале (1932).

Символами учительства в творчестве М. Цветаевой стали образы, имеющие вертикальную структурную и содержательную (смысловую) направленность, — кедр, гора, олицетворяющие духовную высоту и стойкость. Оба образа, равно как образ птицы, связаны с небом — пространством мифа, встречи и диалога, ибо являют собой разные пути восхождения ввысь.

Так в авторском мире М. И. Цветаевой универсальная семиотическая конструкция «учитель — ученик» (фундаментально-характерологическая) приобретает новый концептуальный характер. С одной стороны, универсалия в ее творчестве восходит к библейской традиции; с другой, система отношений «учитель — ученик» отражает особенности мироощущения, мифотворчества и миро-слушания⁴ поэта и представляется в индивидуальном ассоциативном образном ряде: «ученичество» символизирует плащ, «учительство» — образы кедра, горы, руки. Универсалия «небо», с которым сопряжен диалог учителя и ученика, выражает трансцендентное, бесконечное, царство блаженства души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микешина Л. А. Философия познания / Л. А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева. — М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1997.
3. Цветаева М. Из письма В. Н. Буниной. Париж, Ванв, 11 февраля 1935 г. / М. Цветаева // Фокин Павел: Цветаева без глянца (Ознакомительный фрагмент) Аля (дочь Ариадна Сергеевна Эфрон). — Режим доступа: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/fokin-bez-glyanca/alya-doch-ariadna-sergeevna-efron.htm> (дата обращения: 03.04.2022).
4. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. А. Саакянц. — М.: Эллис Лак, 1997.
5. Монзина Р. И. «Сказать — задумалась о чем?..» (Цикл «Ученик» в лирике М. И. Цветаевой) / Р. И. Монзина // Педагогическое образование в России. — 2013. — № 6. — С. 149–156.
6. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. Кн. 1: Письма. / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина / М. И. Цветаева. — М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1998.
7. Лютова С. Н. Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования: Монография / С. Н. Лютова. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004.
8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. Кн. 1: Воспоминания о современниках / Сост., подгот. текста

³ А в одном из лучших своих стихотворений сравнивает себя — Поэта — с горой.

⁴ О миро-слушании см. подробно [11].

и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997.

9. Волошин М. Письмо к Е. О. Кириенко-Волошиной от 25.11.11. / М. Волошин // Новый мир. — 1977. — № 2.

10. Пасько Ю. В. Поэт «под небом и над землей»: небо

как пространство мифа в поэзии Марины Цветаевой / Ю. В. Пасько // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). — 2017. — № 11 (188). — С. 161–169.

11. Акбашева А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой / А. С. Акбашева, Э. А. Радь. — Стерлитамак, 2017.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Волготова М. П., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: volgotova@mail.ru

Bashkir State University (Sterlitamak Branch)

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: elza_rad@mail.ru

Volgotova M. P., Postgraduate Student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: volgotova@mail.ru